

Вампиры!

и другие
фантастические
истории

Б. Олшеври

Иллюстрации Виталия Еклериса

The Big Book

Барон Олшеври

**Вампиры и другие
фантастические истории**

«Азбука»

1912

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44

Барон Олшеври

Вампиры и другие фантастические истории / Барон Олшеври — «Азбука», 1912 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-26978-1

Больше сотни лет пытливые умы поклонников «литературы ужасов» занимал вопрос: кто же такой загадочный «барон Олшеври» (Б. Олшеври), за авторством которого в 1912 году увидел свет захватывающий фантастический роман «Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди» — альтернативная история похождения самого известного вампира и обращенных им жертв?.. Наконец тайна этой литературной мистификации раскрыта! Во вступительной статье, предваряющей настоящий сборник, его составитель и текстолог литературовед Дмитрий Кобозев впервые сбрасывает флер таинственности с личности «барона» и освещает этапы жизненного пути и литературное творчество скрывавшейся под звучным псевдонимом жены купца-чаеоторговца Екатерины Николаевны Хомзе (1861-1916). Под обложкой этой книги притаились и другие сюрпризы. Для настоящей публикации текст главного опуса «барона», романа «Вампиры», очищен от типографских неточностей и украшен иллюстрациями Виталия Еклсриса. А также в сборнике читателя ожидает знакомство с пятью фантастическими рассказами «барона»: до наших дней они скрывались в рукописях и были совершенно неизвестны публике; в этих изящных творениях литературы Серебряного века вполне узнаваемы черты авторского стиля: поэтичность повествования, захватывающий, динамичный сюжет, мистический и романтический одновременно.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44

ISBN 978-5-389-26978-1

© Барон Олшеври, 1912

© Азбука, 1912

Содержание

У всякого барона своя фантазия...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Б. Олшеври

Вампиры и другие фантастические истории

* * *

Рассказ «Жрица богини Гатор» публикуется впервые.

С целью переиздания произведения необходимо обращаться за разрешением к публикатору Д. Р. Кобозеву.

Рассказы «Наследство Варвары Сидоровны. *Что было и что казалось*», «Где правда? *Из вопросов о вампиризме*», «„Дело Ивана“, или Было ли это?», «Две или одна?» публикуются впервые; их рукописи принадлежат коллекции Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. С целью переиздания текстов необходимо обращаться за разрешением в архив ИРЛИ РАН.

Публикуемая фотография М. А. Молчановой работы М. А. Шапиро (ок. 1918) печатается с разрешения Краевого государственного автономного учреждения культуры «Красноярский краевой краеведческий музей»

© В. В. Еклерис, иллюстрации, 2024

© Публикатор Д. Р. Кобозев, 2024

© Д. Р. Кобозев, составление, статья, примечания, 2024

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

* * *

Благодарим всех, кто оказал помощь в работе над книгой, и выражаем особую признательность А. В. Хомзе, А. М. Еремееву, И. О. Собенниковой, Г. Н. Родюковой, А. В. Бродневой, Е. В. Беднягиной, М. В. и Ю. В. Шилко

У всякого барона своя фантазия...

Необычайно смелая попытка проникнуть в область таинственного.

Аннотация на титульной странице русского издания «Дракулы» 1904 года

Роман «Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди» увидел свет в 1912 году в Московской типографии Владимира Михайловича Саблина (1872–1916) и был отпечатан в количестве 2000 экземпляров. Согласно «Книжной Летописи», издание поступило в Главное Управление по делам печати Российской империи в апреле того же года¹.

Это знаменитая литературная мистификация, классический русский роман о вампирах, стилизованный под западные источники – в первую очередь, роман Брэма Стокера (1847–1912) «Дракула» (1897). В книге представлена альтернативная история походов самого известного вампира и обращенных им жертв. Однако, в отличие от персонажей Стокера, вампиры, созданные фантазией автора, скрывшегося под псевдонимом барон Олшеври, – герои страдающие, втянутые в кровавый круговорот кошмарных событий во многом против своей воли. Они вынуждены прибегать к убийствам лишь ради собственного существования: «Чтоб на свете жить, должна кровь людей пить», – гласит эпиграф ко второй части романа. Члены семейства Дракула-Карди предстают перед читателем не столько кровавыми чудовищами, сколько жертвами ужасного стечения обстоятельств. Еще в год первого появления «Вампиров» рецензенты отмечали, что произведение это «читается с интересом», что, «несмотря на немного наивный демонизм содержания (ужасные вампиры, привидения, мертвецы и т. п.), в фабуле много свежести и богатого вымысла, а иные „ужасы“ трактованы психологически верно»².

Между прочим, на титульном листе издания 1912 года было указано, что вторичен именно роман Стокера, переведенный с английского: он-де является продолжением «Вампиров» барона Олшеври. Конечно же, данное заявление (вероятно, нацеленное на привлечение покупателей) вызывает улыбку, однако оно приводится и в предлагаемой книге, являясь элементом литературной игры и неотъемлемой частью литературного памятника, коим, бесспорно, являются «Вампиры».

Справедливости ради следует заметить, что роман барона Олшеври отчасти выполняет функцию предыстории событий, развертывающихся в произведении Стокера. Так, на его страницах раскрываются обстоятельства появления в карпатском замке по крайней мере двух из трех кровожадных «невест» Дракулы (надо полагать, третья вампирша была обращена Дракулой уже после событий, описанных в сочинении барона Олшеври), граф Карло и его духовник предрекают смерть старого «не мертвого» от руки «истребителя», который «уже рожден, и скоро его детская рука сделается рукою мужа», а также что гибель графа-вампира «зависит от мужественной женщины» (намек на персонажей Стокера – Джонатана и Мину Харкер). Но связь этих романов условна. При чтении «Вампиров» не раз ловишь себя на мысли, что «американскому дедушке» подошла бы совсем иная фамилия. Орлок, к примеру (как в шедевре немого кинематографа «Носферату: симфония ужаса» 1922 года). Да и время действия – XX век – никак не может предшествовать событиям «Дракулы» ирландского писателя.

Можно предположить, что барон Олшеври был знаком с романом Стокера по переводу княгини Елизаветы Федоровны Крапоткиной, напечатанному в 1902 году в типолитографии

¹ Книжная Летопись Главного Управления по делам печати / под ред. А. Д. Торопова. 1912. № 17. 28 апреля / 11 мая. С. 16. –Здесь и далее примеч. Д. Р. Кобозева, если не указано иное.

² Библиография. Книги, поступившие в редакцию для отзыва // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1912. № 10. Стб. 299.

Виссариона Виссарионовича Комарова (1838–1907) под именем другого автора – англичанки Марии Корелли (1855–1924), хорошо известной русским читателям как автор мистико-приключенческих романов. На это указывает и встречающаяся в переводе Крапоткиной русификация имен некоторых персонажей (Андрей Гаркер, Петр Гаукис), которую намеренно или невольно перенял в своем произведении барон Олшеври. Роман «Вампир – граф Дракула» был выпущен отдельной книгой (в количестве 200 экземпляров)³ и вместе с произведениями других авторов в составе 9-го тома ежемесячного сборника романов и повестей «Свет». В 1904 году русским читателям представилась возможность познакомиться еще с одним вариантом перевода «Дракулы». Он вышел из печати в типолитографии «Энергия» и носил витиеватое название «Вампир. Изумительный роман Брэм-Стукера». Примечательно, что этот перевод был анонимным, в нем были опущены несколько абзацев из начала оригинального романа, а фамилия кровожадного графа и вовсе не упоминалась. По-видимому, сделано это было во избежание конфликта со здравствовавшим на тот момент заграничным автором-правообладателем. Следующая публикация «Дракулы» (в переводе Нины Сандровой) появилась только в 1912–1913 годах.

Уже сам псевдоним сочинителя «Вампиров», который с учетом принятой в те времена формы сокращения титула (Б. Олшеври) можно прочесть как «больше ври», и эпиграф романа «Не любо – не слушай, а врать не мешай» указывают на принадлежность этой щекочущей нервы книги не столько к оккультной, сколько к развлекательной литературе. А скрупулезность в описании деталей, психологическая проработка нюансов, наблюдательность и понимание не только характеров персонажей, но и их амбиций наводят на мысль, что «барон» должен был носить дамское платье. Что впоследствии и подтвердилось.

...

Роман, не соответствовавший установкам социалистического реализма, в советское время не переиздавался и пережил свое «второе рождение» в начале 1990-х годов, возымев невероятный успех у читателей. Однако личность автора, заявленного как «барон Олшеври», оставалась загадкой, издатели указывали лишь, что роман переведен с английского (!) и публикуется по книге, увидевшей свет в типографии В. М. Саблина в 1912 году.

Возможно, барон так и остался бы анонимным англичанином, если бы в 1993 году в редакцию газеты «Книжное обозрение» не пришло письмо из библиотеки Уральского политехнического института города Екатеринбурга. Основываясь на воспоминаниях давней читательницы библиотеки, профессора Натальи Павловны Беднягиной (1913–2016), авторы письма сообщали, что роман был знаком Беднягиной еще в 1920-е годы благодаря ее учительнице Маргарите Альбертовне Хомзе, утверждавшей, будто книгу написала ее мать – Молчанова-Хомзе. Из этого же послания следовало, что актриса МХАТа Елена (Нелли) Давидовна Стругач-Строева (1909–1989), имевшая успех на сцене в 1940–1950-х годах, приходилась внучкой упомянутой Молчановой-Хомзе, а другой потомок предполагаемого автора – Вальтер Альбертович Хомзе – умер в начале 1970-х годов.

Письмо было напечатано в «Книжном обозрении» 30 апреля 1993 года в виде заметки под названием «„Вампиров“ написал „Больше ври“» (рубрика «Расследует читатель»)⁴, и эта публикация явилась первым шагом на пути выяснения личности истинного автора романа.

Профессор Беднягина, обладавшая несомненным литературным даром, впоследствии изложила на бумаге наиболее значимые эпизоды своего долгого жизненного пути. Среди ее мемуарных заметок, опубликованных в микротиражном (30 экземпляров) издании «Мгно-

³ Список изданий, вышедших в России в 1902 году. СПб.: Тип. Минва Внутр. Дел, 1903. С. 436.

⁴ Читатели и работники отдела художеств, литературы библиотеки УПИ г. Екатеринбург. «Вампиров» написал «Больше ври» // Книжное обозрение. 1993. № 18. 30 апреля. С. 3.

вения жизни», адресованном близкому окружению, особое место занимают воспоминания о дружбе с Маргаритой Альбертовной Хомзе-Беклешовой.

«Я была очарована и влюблена в Маргариту Альбертовну, – признается мемуаристка. – Эта замечательная женщина имела огромное влияние на меня и так много для меня сделала. Счастливые годы НЭПа⁵, с 1923-го по 1929-й, наши семьи жили рядом в Каслях и дружили. Беклешов Евгений Константинович, муж Маргариты Альбертовны, был главным инженером Каслинского чугунолитейного завода, а мой отчим Беднягин Павел Андреевич был там в то время еще молодым инженером.

Маргарита Альбертовна – любимая добровольная учительница и мой лучший друг, рассказчик, которого заслушаешься, – была высокообразованным человеком: училась в Смольном, окончила Сорбонну (бакалавр изящных искусств), владела несколькими языками. Она любила меня и много занималась со мной. Учила я с ней английский и немецкий. Уже неплохо говорила по-английски, а в немецком пленилась стихами – баллады и книга песен Гейне⁶. Я учила их наизусть и рассказывала ей (как все это пригодились мне в дальнейшем!). А сколько книг я перечитала из ее обширной библиотеки!

С Беклешовыми встречались семейно за столом с домашней стряпней по два-три раза в неделю. К ним приезжали иногда из Москвы веселые компании молодежи: племянница Нелли – юная красавица, подающая надежды артистка МХАТа, и сын Вальтер, тогда студент и поэт. Устраивались интересные вечера и красочные костюмированные праздники с играми.

В Каслях, в счастливые годы своего отрочества, я прочитала у Маргариты Альбертовны роман, созданный ее матерью еще в начале века. Ее мать болела и проводила время в инвалидном кресле. И вот она увлеклась сочинительством. Богатая женщина, она напечатала один роман где-то в Москве или в Германии в 1912 году. Назывался он „Вампиры“. Был написан ею в первом десятилетии XX века и, очевидно, навеян вышедшим незадолго до этого „Графом Дракулой“ Стокера.

Надо сказать, роман произвел на меня – мечтательную девочку – огромное впечатление. Будучи фантазеркой, верившей в мистику, я долго потом боялась всякой сверхъестественной чепухи. В романе описана страшная и очень романтическая история: замок в Карпатах, графы, обворожительные дамы, вампиры и призраки. Как сейчас помню прекрасно изданную книгу в матерчатом переплете. Потом эта книга была у Вальтера⁷.

Окончательная же точка в спорах об авторстве «семейной хроники графов Дракула-Карди» (а в числе предполагаемых авторов называли Нину Сандрову, Сергея Соломина, Владислава Реймонта) была поставлена Андреем Михайловичем Еремеевым, внуком Елены Давидовны Стругач-Строевой. Он подтвердил, что его прабабушка Алевтина (Лина) Альбертовна Стругач (1886–1966) в девичестве носила фамилию Хомзе, а в семье заботливо хранят экземпляр «Вампиров» 1912 года издания.

По счастливой случайности Алевтина Альбертовна Хомзе-Стругач (далее по тексту Алевтина Альбертовна Стругач) оставила прекрасные машинописные мемуары, которые до сих пор не опубликованы. На страницах этого ценного документа она подробно рассказывает и о своей матери, Екатерине Николаевне Молчановой-Хомзе, и о том, что та взяла себе псевдоним барон Олшеври (Б. Олшеври).

Более того, автору настоящей статьи удалось связаться с внуком Вальтера Альбертовича Хомзе (1907–1973) – Алексеем Владимировичем Хомзе. Оказалось, что в его семейном архиве, наряду с экземпляром романа «Вампиры» 1912 года (тем самым, что в 1920-х годах держала в своих руках Наталья Павловна Беднягина), сохранились рукописи других литератур-

⁵ Новой экономической политики 1921–1928 гг.

⁶ Христиан Иоганн Генрих Гейне(1797–1856) – немецкий поэт, публицист и критик позднего романтизма.

⁷ Беднягина Н. П. Мгновения жизни. Екатеринбург: Типография УрО РАН, 2004. С. 25–27.

ных произведений Екатерины Николаевны Молчановой-Хомзе, лучшее из которых – «Жрица богини Гатор» – *впервые* появляется в печати в предлагаемом сборнике.

С любезного разрешения Андрея Михайловича Еремеева последующее повествование будет сопровождаться *впервые* публикуемыми выдержками из так называемых «Воспоминаний о прошлой жизни» Алевтины Альбертовны Стругач (произведение автором не озаглавлено)⁸.

При подготовке этой статьи автору пригодились и уникальные сведения, почерпнутые из автобиографических очерков старшей сестры Алевтины Альбертовны Стругач – Маргариты Альбертовны Беклешовой (1882–1960). Работа с ними (как и с рукописями ее матери) стала возможной только благодаря стараниям Алексея Владимировича Хомзе, без неоценимой помощи которого читатели не смогли бы увидеть и большую часть фотографий, напечатанных на страницах сборника.

...

Екатерина Николаевна Хомзе (в девичестве Молчанова) родилась 7/19 октября 1861 года⁹ в семье кяхтинского купца-первогильдейца Николая Лукича Молчанова (1829–1904), заработавшего миллионы на часторговле с Китаем. Этому способствовало то, что в XIX веке торговая слобода Кяхта, расположенная на российско-монгольской границе, являлась важнейшим пунктом русско-китайской торговли. Редактор газеты «Восточное обозрение», зять купца Алексея Михайловича Лушников (1831–1901) Иван Иванович Попов (1862–1942), хорошо знавший Кяхту и ее обитателей, писал, что «в слободе были дома только миллионеров или тех, кто служил им». Он особо подчеркивал соседство и переплетение в Кяхте различных культур и эпох: «А рядом великолепный собор, комфортабельно обставленные апартаменты, картины, гобелены, прекрасные библиотеки, платье от Ворта¹⁰ из Парижа, из окон льется пение, рояль, скрипка – Моцарт, Бетховен, Чайковский. Культура европейца, быт кочевника-номада, тысячелетняя застывшая цивилизация Серединного царства, шаманизм, даосизм, ламаизм, магометанство, христианство, иудейство. Все религии мира слились здесь. (...) Женская гимназия и каменная баба перед ней, с таинственными надписями, шампанское высокой марки и кислое кобылье молоко, трюфеля и деликатесы и вяленое мясо из-под потника седла, где оно согревалось на спине мохнатой лошадки...»¹¹.

Алевтина Альбертовна Стругач сообщает о предках своей матери следующее:

«Предки Молчановых, как говорят, были какие-то бежавшие или выехавшие в Сибирь во времена Грозного бояре¹². Женились они и на монголках, и на бурятках – оттого и мы широкоскулые, с далеко расставленными глазами.

Дед, Николай Лукич, был умным, энергичным и властным человеком. До самой смерти вел регулярные метеорологические записи, интересовался общественной и политической жизнью и особенно „случайно“ попадавшей в Кяхту нелегальной литературой. После его смерти остались очень интересные, как говорят, записки о старой Кяхте, но, к сожалению, они пропали во время революции 1917 г. (...) Больше всего меня интересовала история так называемого „Молчановского толка“ – секты, в которой дед мой в молодости был Иисусом Христом, а его

⁸ Стругач А. А. (Воспоминания о прошлой жизни). – Из архива А. А. Стругач. М., 1954 (машинопись). Первая часть рукописного подлинника, охватывающая промежуток времени с конца 1880-х до середины 1910-х гг., создавалась мемуаристкой в 1938–1939 гг., когда она, обвиненная в контрреволюционной агитации, отбывала ссылку в Удереysком (с 1956 г. Мотыгинском) районе Красноярского края.

⁹ ГАЗК, ф. 282, оп. 1, д. 1957, лл. 87 об., 88.

¹⁰ Чарльз Фредерик Уорт (1825–1895) – французский модельер, основатель дома моды «House of Worth».

¹¹ Попов И. И. Минувшее и пережитое: воспоминания за 50 лет. – Л.: Колос, 1924. С. 7–8.

¹² А. В. Хомзе считает, что предки Молчановых могли состоять в родстве с боярином М. А. Молчановым (ум. 1611), одним из самых мрачных персонажей Смутного времени 1598–1613 гг., участвовавшим в убийстве русского царя Федора II Годунова (1589–1605). Он совершил столько злодеяний, что его родственники, опасаясь мести даже просто за принадлежность к роду Молчановых, вполне могли бежать в Сибирь. Вероятней всего, случилось это в начале 1610-х гг.

сестра, красавица Ларисса, – Божьей матерью¹³. Царское правительство жестоко преследовало эту, как и все другие, секту, пересекло всех ее участников, часть засебло до смерти и разорило всех дотла. Начав все сначала – с ничего, – дед к старости был миллионером и лишь к концу своей жизни потерял значительную часть имущества, вероятно, в связи с тем, что значительная часть торговли с Китаем пошла мимо Кяхты. (...) Собственная честность не позволяла ему верить в возможность чужой нечестности. Не раз ему указывали на то, что управляющий его золотым прииском его обманывает, показывая нерентабельность работ и скупая золото. Дед говорил: „Подозревать другого может только тот, кто сам способен на обман“. Кончилось дело тем, что, поверив в истощенность прииска, он за бесценку отдал его тому же управляющему и – глядь! – прииск, унесший значительную часть миллионов дедушки, стал давать большую прибыль».

Муж будущей писательницы Альберт Александрович Хомзе (1852–1912) – потомок остзейского баронского рода, верхоленский мещанин, чьи родители первоначально прибыли из Белостока в Вятку. Вот что писала Маргарита Альбертовна Беклешова о предках своего отца:

«Когда я была в институте¹⁴, у нас был эконо́м фон Гернет, который интересовался геральдикой. И он, заинтересованный нашей фамилией Хомзе, которая пишется по-немецки Chomse, т. е. против всех правил языка, разыскал, что она образовалась из фамилии Nochomse, а эта – из von der Hohen See и что эта фамилия теряется в Средних веках, где наши дальние предки были свободными имперскими разбойничьими графами. Как все такие фамилии, она мельчала и падала, пока наконец в конце XVIII века Михаил Chomse von Orley опять получил дворянство – т. е. сделался von Chomse. Старший его сын Александр, видимо, вступил в неравный брак и, видимо, с еврейкой или девицей еврейского происхождения Анной Иогансен и был изгнан своим отцом и лишен майората¹⁵ Orley. Переселился он в Россию, где его дворянства при переходе в русское подданство не признали. Это был мой дед».

О жизни Альберта Александровича Хомзе до знакомства с Екатериной Николаевной Молчановой известно очень немного. В 1863–1866 годах он учился в Петербурге в немецком Петропавловском училище, а потом, по свидетельству Маргариты Альбертовны Беклешовой, рано лишившись родителей и будучи обкраден опекуном, с восемнадцати лет начал скитальческую жизнь по Сибири, работал приказчиком на приисках. «Видимо, это время было либо тяжелое, либо темное, так как о нем никогда у нас в семье не упоминалось», – сообщает в своем автобиографическом очерке Маргарита Альбертовна Беклешова¹⁶.

Наконец Альберт Александрович Хомзе каким-то образом завоевал симпатию богатых троицкосавских купцов Коковина и Басова и с приисков перешел к ним на службу в Троицкосавск – небольшой городок, соседствовавший со слободой Кяхта. Здесь он и познакомился

¹³ Известно, что в первой половине 1830-х гг. в Кяхте мистик-сектант архимандрит Израиль (1794–1862) на собраниях в доме родителей Н. Л. Молчанова читал и толковал по-своему древние книги, убеждая слушателей, что Христос и окружавшие его евангельские персонажи воплощаются в участвовавших в богослужениях истинно верующих, причем поименно назначаемых самим Израилем. И. И. Попов вспоминал: «И. Л. Молчанов и его сестра Ларисса, – первый был 3-летний младенец, а сестра – девушка 16 лет, – при богослужении, как передавали, были Христом и Богородицей». Число последователей новоявленного «Ангела светлого», как называл себя Израиль, доходило до 70 человек.

¹⁴ Санкт-Петербургский Александровский институт, в котором М. А. Беклешова обучалась с 1895 по 1900 г.

¹⁵ *Майорат* – в феодальном праве Западной Европы недвижимое имущество, переходящее к старшему в роде или к старшему сыну в семье.

¹⁶ Из опубликованного в январе 1895 г. в журнале «Русская Беседа» рассказа юриста и этнографа В. В. Птицына (1854–1908) «Забайкальские волки», в котором озлобленный на родню Екатерины Николаевны автор под именем Роберта Александровича вывел Альберта Хомзе, узнаём, что тот, вероятней всего, прибыл в Сибирь, в верховья Лены, вслед за сосланным за кражу отцом, устроился на службу к золотопромышленникам Трапезниковым, сделался приказчиком на приисках и стал заниматься наемом рабочих, прозвавших его «верхоленским волком» за то, что он якобы «очень обирал их». Птицын, приходящийся Альберту Хомзе свояком, наделяет Роберта Александровича из рассказа следующими качествами: «был хитер, сдержан, смел до наглости, когда нужно, и хотя был нечист на руку, но умел хоронить концы в воду». «Была ли хоть доля правды в этом пасквили, я не знаю, но даже недруги отца называли его не иначе как гнусностью», – писала А. А. Стругач по поводу «Забайкальских волков».

с Катей Молчановой – «лучшей кяхтинской невестой». Маргарита Альбертовна Беклешова, излагая на бумаге свои впечатления о Кяхте, вспоминала о трех старых соснах, возвышавшихся на голой каменистой горе в окрестностях слободы: «Я раз забралась туда и видела в коре одной из сосен вырезанные инициалы А. Х. (Альберт Хомзе) и Е. М. (Екатерина Молчанова) – память молодости моих отца и матери».

Алевтина Альбертовна Стругач пишет:

«Как она говорила впоследствии нам, своим дочерям, больше всего к отцу ее привлекло то, что он был много образованнее и начитаннее окружающих, бывал в России (так в Сибири называли то, что лежит за Уралом) и даже говорил по-немецки. Они поженились¹⁷ почти против воли и, во всяком случае, при молчаливом неодобрении стариков Молчановых. (...) Глубоко не одобрявший выбора своей старшей любимой дочери дед, уважая чужую свободу, препятствовать ей не стал, не проклинал ее, как это делали другие отцы, и приданого не лишил. Напротив, он построил для молодых хороший дом со службами, меблировал его, купил посуду, белье, нанял прислугу, но... предусмотрительно приданого на руки не выдал, а лишь обеспечил ежегодный доход с него, сказав: „Таких процентов с капитала, как я, никто платить вам не будет“. Мой отец был страшно оскорблен, а быть может, и просто обманут в своих ожиданиях и расчетах. Мать, влюбленная в него и сильно романтически настроенная, негодовала на отца. Лишь много-много лет спустя она поняла мудрость своего отца, поняла, что этим поступком он спас и ее, и детей, и самого мужа от нищеты. Отец, несомненно, все бы спустил очень быстро, так как любил „баронствовать“ и фанфаронить».

И далее Алевтина Альбертовна Стругач сообщает:

«Всего детей у моих родителей было семь. Старший сын. Николай, умер еще ребенком. Потом дочери Маргарита и Ларисса, сын Борис, я, дочь Конкордия, умершая тоже ребенком, и дочь Екатерина, „поскребыш“, родившаяся через десять лет после меня.

Уже с первых лет брака между отцом и мамой начались нелады. Отец предпочитал общество, дам и клуб и совершенно забрасывал мать. Были попытки примирения; в ознаменование одной из них умершая сестра и была названа Конкордией (согласие), – но увы! – прожила всего несколько месяцев. Так же недолго держалось и согласие между моими родителями. Отец – эгоцентрик, влюбленный в себя, деспот в домашней обстановке и очаровательный с чужими, особенно женщинами. Мать – влюбленная в него и страшно страдавшая от всех его выходок. Все это создавало дома очень тяжелую обстановку.

В Кяхте моему отцу показалось тесно, и вся семья выехала в Россию весной 1888 или 1889 г.¹⁸ Мне было в это время около двух лет. Поездку я знаю только по рассказам мамы. До Нижнего¹⁹ (теперь Горький) ехали на лошадях и пароходах. (...) Много натерпелась мама с четырьмя сорванцами, особенно когда отец бросил ее среди дороги и уехал один вперед, якобы устраивать квартиру, которую, однако, не устроил, так как мы долго жили в Петербурге в гостинице „Дагмар“. На пароходе мама просто привязывала нас на четыре веревочки, другой конец которых укрепляла у себя на кисти руки. Сидит на палубе и читает, а мы бегаем, можем подойти к борту и заглянуть вниз, но чуть побольше наклонимся, веревка натянется и мама поднимает голову. Часто веревки так запутывались, что начиналась драка. С горем и со смехом добрались до Петербурга.

Из гостиницы переехали в прекрасную квартиру на Невском, 5, около Александровского сада. В том же доме помещался чайный магазин отца „Цзинь-Лун“ („Золотой дракон“). Весь

¹⁷ Согласно записи в метрической книге Кяхтинской Воскресенской церкви, брак зарегистрирован 30 апреля / 12 мая 1880 г. (ГАЗК, ф. 282, оп. 1, д. 2536, лл. 14 об., 15).

¹⁸ Отъезд состоялся после 30 апреля / 12 мая 1889 г., дня именин А. А. Хомзе, когда он и два других купца-первогильдейца учредили в Кяхте Торговый Дом «Цзинь-Лун», преобразованный в 1893 г. в Товарищество на паях с переименованием в «Товарищество Кяхтинских Чаоторговцев под фирмою Цзинь-Лун».

¹⁹ Нижний Новгород.

фасад был художественно отделан резным под черным лаком деревом в китайском стиле. На окнах красовалась надпись золотыми буквами: „Высочайше утвержденное товарищество „Цзинь-Лун““. Это „высочайшее утверждение“ стоило отцу немало денег. Впоследствии его все же отняли, ссылаясь на профанацию высочайшего имени. Вероятно, кто-то что-то „недополучил“.

Нас, детей, отец обратил в живую рекламу. Наряженные в расшитые шелковые китайские курмы²⁰, мы должны были со своими двумя няньками гулять в таком виде по Невскому. Маргарита до сих пор с дрожью вспоминает эти гулянья, когда за нами ходили толпы народа, указывавшие на нас пальцами и шупавшие наши необычные одеяния.

Внутри магазин был роскошно отделан настоящим черным деревом с бронзой. Но ни небывалая до сих пор роскошь отделки, ни живая реклама не помогли. Из года в год дела отца шли все хуже и хуже – до полного разорения²¹. Не клеилось отчасти потому, что к дорогим чаям петербуржцы не привыкли и вовсе не ценили, что они доставлены караваном на верблюдах, а не морем, где чай теряет свой аромат; оптовые покупатели – учреждения – всегда покупали дешевку, а на одной рознице, да и то ограниченной, с чаем далеко не уедешь.

Отчасти вина лежала и на самом отце. Он оказался больше барон, чем коммерсант. Чуждался своего брата, купца, предпочитая более аристократические связи. Дни и вечера проводил не в магазине или конторе, а в гостях, театрах, клубе, ресторанах, где имел „свой“ столик и „свою“ марку вина. Много тратил на женщин, предпочитая шикарных кокоток».

Не обделял он вниманием и молоденьких гувернанток своих детей. «Гувернантки у нас менялись калейдоскопически», – вспоминала Алевтина Альбертовна Стругач.

Падкий до женского пола глава семейства, принимавший весьма деятельное участие в общественной жизни, выступил и в роли благотворителя (субсидировал строительство храма Святой Мученицы Татяны на 6-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге, был почетным попечителем Ларинской гимназии, с 1884 по 1900 год помогал Русскому обществу охранения народного здоровья, существовавшему под покровительством великого князя Павла Александровича), а также состоял действительным членом Императорского Русского географического общества и Общества востоковедения в Санкт-Петербурге (казначеем которого он являлся с момента основания до 1906 года). Вероятно, увлечение Востоком, сподвигшее коммерсанта профинансировать ряд экспедиций, нашло отражение и в романе про вампиров, позже созданном его женой.

Дети между тем учились сначала в Петропавловском училище (Петришуле), а потом две старшие дочери (Маргарита и Ларисса) поступили в Санкт-Петербургский Александровский институт.

Алевтина Альбертовна Стругач, позже (в 1904 году) с отличием окончившая это же учебное заведение и получившая «шифр»²² из рук императрицы Марии Федоровны, вспоминала:

«На лето мои сестры приезжали из института домой. Уже когда их собирали туда, я завидовала им. (...) В институт я хотела не только из зависти к сестрам, но и из-за тяжелой домашней атмосферы, от вечных неладов между отцом и мамой.

Отец не желал себе ни в чем отказывать. Пропадал из дому целыми днями и ночами, но, будучи умным человеком, знал, что от скуки женщина тоже может „закрутить“, всегда при-

²⁰ *Курма* – маньчжурская шелковая атласная или хлопковая куртка (кофта) с длинными цельнокроеными рукавами, высоким воротником и застежкой на правую сторону или посередине. Вместо пуговиц и петель – особым образом сплетенные шнуры.

²¹ В конце февраля 1905 г. была начата ликвидация дел «Товарищества Кяхтинских Чаеоторговцев под фирмою Цзинь-Лун». Вместо него учредили товарищество на вере «А. А. Хомзе и К^о», преемник товарищества Цзинь-Лун», в котором полным товарищем выступил Альберт Хомзе, а вкладчиком – Екатерина Хомзе.

²² Вот как объясняет значение этого слова А. А. Стругач: «Так называемый „шифр“ – это золотой вензель М. Ф. (вернее, отмененная теперь фита) и корона на красной шелковой ленте, прикалываемые на левое плечо. Выдавался он ученицам, имевшим круглое „12“ на выпускном аттестате».

думывал маме какое-нибудь занятие, предварительно разрекламировав его. Мама то целыми месяцами сидела, раскрашивая фарфоровые чашки, блюда и блюда, то вся квартира наполнялась запахом химикалий – это мама занимается фотографией или гальванопластикой. Но отец не оставлял в покое и хорошеньких горничных и гувернанток. Когда это открывалось, очередное увлечение мамы красками, монетами, марками летело к черту и над домом нависала туча. Все это дети, конечно, чувствовали, если и не все понимали. Только отец напрасно боялся, что мама „закрутит“. До тех пор, пока сама жизнь не научила маму смотреть на многое другими глазами, она была страшно, до жестокости, строга к себе и другим. Насколько я знаю, было у нее в жизни одно увлечение, и все, что она позволила себе, – это послать „ему“ чистый листок бумаги, надписав конверт собственной рукой. И это она считала чуть ли не преступлением перед мужем! Неумолима она была только к женщинам – они всегда были виноваты, и им ничего не прощалось».

Кончилось тем, что в 1907 году, после почти тридцатилетнего брака, Альберт Хомзе бросил жену, ликвидировал чайную фирму и уехал за границу с опереточной или фарсовой актрисой Зике. Жене предприимчивый ловелас солгал, что так нужно для установления новых деловых отношений.

Екатерина Николаевна очень тяжело переживала разрыв с мужем. Обманутая женщина слепо верила каждому слову «дорогого Альберта» и не теряла надежды на его скорое возвращение. Она с негодованием отвергала любые открыто высказанные родственниками подозрения и всячески заступалась за своего супруга. Алевтина Альбертовна Стругач описывает состояние матери так:

«Маму мы застали в большом мягком зеленом кресле. Ее уже начинал сильно мучить унесший ее затем в могилу обезображивающий артрит. Она двигалась уже с трудом. На столике перед ней стоял портрет папы. Со слезами на глазах она считала – вот столько-то недель и дней, как Альберт уехал, бросив ее. Эти исчисления она повторяла довольно часто, пока мы, дети, не взялись за дело энергичнее и, причинив ей сразу сильное страдание, не избавили ее от смешных сожалений и слез о покинувшем ее муже, который не стоил и одной ее слезинки».

Дочери, заручившись авторитетом старого друга семьи, рассказали матери горькую правду об отце, «развенчав ее идеал», и постепенно она перестала из-водить себя, «в ней все переболело».

Альберт Александрович Хомзе умер 3 января 1912 года в Южном Тироле (Меран), где и был погребен. О его внезапной кончине россияне узнали из некрологов популярной петербургской газеты «Новое Время» от 6/19 и 14/27 января 1912 года, причем во втором номере газета уведомляла о панихиде в Казанском соборе 15 января в час дня.

Разносторонне одаренная, необычайно образованная²³ и начитанная купеческая жена, располагавшая большим количеством свободного времени и средств, умела себя развлечь. Она неоднократно бывала в Европе (по крайней мере, до 1907 года, когда обезображивающий артрит буквально приковал ее к инвалидному креслу), ее петербургский салон посещали люди искусства, в числе которых был и молодой Федор Иванович Шаляпин (1873–1938). Екатерина Николаевна запросто могла устроить домашний праздник. Однажды посреди года «институтку» Лину Хомзе пришлось даже специально освободить от учебы на два дня – для участия в организованном ее матерью балумаскараде, яркими красками запечатленном на страницах «Воспоминаний» Алевтины Альбертовны Стругач:

²³ В своем неопубликованном очерке «Кяхтинская старина» Вальтер Альбертович Хомзе сообщает, что Е. Н. Хомзе получила вполне приличное домашнее образование. Согласно ее воспоминаниям, занималась она с учителем по фамилии Шлеинбер.

«Меня уже ждал дома белый костюм Пьеретты²⁴ с остроконечной шапкой, красными помпонами и красными чулками. Маргарита была средневековой германкой, Мильда [Ларисса Хомзе, *примеч. Д. К*] – очень красивой русской боярышней. Были и маркизы, и неизбежная „Ночь“, и капуцин²⁵, и валкирия²⁶, и еще много всего. Но больше всего мне понравился и до сих пор запомнился костюм „Письмо“. Припрыгивая, вбегает в залу громадный конверт. Видны только ножки. На конверте есть и адрес, и, склеенная из маленьких, громадная марка, и штемпели. Вдруг марка откидывается, и из отверстия сыплются письма всем участникам вечера... Вот было смеха!»

Среди увлечений, помогавших Екатерине Николаевне скрасить досуг, следует упомянуть об игре в шахматы. Успешное участие в первом и втором шахматных турнирах по переписке, проводившихся петербургским «Шахматным журналом» в 1892–1894 годах²⁷, наглядно свидетельствует о незаурядном уме этой женщины. Дочерям она также помогала раскрыть свои таланты.

Алевтина Альбертовна Стругач вспоминала: «Мама очень поощряла наше желание рисовать и, чтобы поддержать его в нас и не отбивать охоты уборкой, мытьем кистей и т. п., взяла на себя всю эту грязную работу. Целыми днями читала нам вслух, лишь бы мы рисовали».

Готовила она дочерей и к замужеству, «желая, чтобы они обладали различными салонными достоинствами – умели поиграть на рояле, попеть, потанцевать и вести легкую беседу». С подачи Екатерины Николаевны дочери продолжили свое образование в лондонском Ройял Холлоуэй Колледже, в Сорбонне и Лейпциге. Правда, по словам Алевтины Альбертовны Стругач, «мамино представление о деятельности женщины (...) исчерпывалось педагогикой – учительница, гувернантка, классная дама – то есть заработком в 40–60 рублей. А за одно платье дочери платили дороже. Обе старшие сестры вырваться из-под этого влияния мамы так и не могли и обе занимались нелюбимым делом».

«Дамским рукоделием», *un passe temps*²⁸, развлечением для себя и близких считала Екатерина Николаевна и свою литературную деятельность, по-видимому сделавшуюся предметом ее постоянных занятий в начале 1910-х годов.

Алевтина Альбертовна Стругач вспоминала:

«Мама с семьей переехали в Москву – там для мамы лучше климат²⁹. Мама уже не может двигаться и сидит целыми днями в кресле на колесах³⁰. Голова у нее ясная. Она пишет детские сказки с естественно-научным уклоном. Такие, какие вошли в моду после революции 1917 г. Сказки выходят интересные. Но мной мама недовольна. Когда она их начинала, она за всякими сведениями обращалась ко мне. Я живо помнила всякие ботанические, зоологические и прочие премудрости и могла дать ей ответ на любой вопрос. Но потом мама сама перечитала много источников, приобрела много солидных сведений, а я за это время успела много позабыть. Вопросы мамы к тому же усложнялись и углублялись, и мне все чаще и чаще приходилось отвечать: „Не знаю“. „Учишься, учишься и ничего не знаешь“, – ворчала мама, так недавно говорившая: „Ну и дочь у меня, что ни спросишь, все-то она знает!“. Помимо ска-

²⁴ *Пьеретта* – героиня итальянской народной комедии, подружка Пьеро.

²⁵ *Капуцин* – маскарадный костюм в виде монашеского плаща с остроконечным капюшоном.

²⁶ *Валкирия* – дева-воительница из скандинавской мифологии.

²⁷ *Гродзенский С. Я.* Шахматная почта России: турниры, партии, личности. М.: Проспект, 2016. С. 35.

²⁸ Препровождением времени (*фр.*).

²⁹ Из мемуаров следует, что описываемые события относятся к 1911 г.

³⁰ По свидетельству Маргариты Альбертовны Беклешовой, болезнь ее матери прогрессировала на протяжении тринадцати лет: «Сначала заболела одна нога: стала обезображиваться, пришлось заказывать разные башмаки. Потом начали портиться суставы на руках. Потом пришлось брать трость для хождения, затем костыли. А потом и вовсе сесть в кресло на колесах, так как и руки, и ноги стянуло и суставы затвердели. При всем этом боли были страшные. Ездили мы за границу на воды, в Евпаторию на грязи, но было уже поздно. В последние полгода она жила только на морфии и пантопоне [лекарственный препарат опия. – Д. К.]».

зок, мама пишет книгу, предназначенную быть началом „Графа Дракулы“. Псевдоним мамы – Барон Ольшеври – Б. Ольшеври („Больше ври“). Один экземпляр этой книжки сохранился у Кэт [Екатерины Альбертовны Хомзе, *примеч. Д. К.*]. Курьезно. Сидя в 1919 г. в тюрьме³¹, мы познакомились с одной заключенной и разговорились о книгах. Она рассказала, что у ее мужа есть любимая книга, переплетенная им в черный бархат и хранимая пуще зеницы ока. Книга эта – „Вампиры“. Вот была бы рада мама, если бы она была жива и это услышала. Мои же экземпляры, а их было несколько, как-то необъяснимо пропали все до одного. Были – и не стало. Книги имеют свою судьбу».

Родственники и знакомые Екатерины Николаевны с интересом восприняли ее сочинение. В письме Ору Васильевичу Собенникову (1898–1968), троюродному брату Алевтины Альбертовны Стругач, которое было отправлено из Берлина в Москву 13 апреля 1914 года его сестрой Александрой Васильевной Собенниковой-Шлехтер (1887 г. р.), есть следующие строки: «Дорогой Орик! Спасибо за книгу „Вампиры“, давно получила и прочла. Когда увидишь Ек(атерину) Ник(олаевну), поблагодари ее за меня»³².

Алевтина Альбертовна Стругач сообщает любопытные сведения о впечатлении, которое роман Брэма Стокера «Дракула» произвел на нее и близких ей людей. Так, причиной ухудшения самочувствия Эмилии Яковлевны, няньки малолетней дочери Алевтины Альбертовны, стало следующее:

«Оказалось, что ни одной ночи она не спала спокойно. Виновата была оставленная ей мною книжка „Граф Дракула“. Глупая книжонка о вампирах, но очень интересная и жуткая. Недаром такой трезвый человек, как Вадим Собенников³³, прочтя ее, говорил: „Черт знает что такое! Читаешь и злишься – как все глупо, а потом в коридор выйти страшно“. Эмилия Яковлевна прочла „Дракулу“, а затем целыми ночами до самого рассвета стояла полураздетая у темного, выходящего в открытое поле окна, судорожно сжимая в руке пустую бутылку. Какое прекрасное оружие против вампира! Я очень люблю такие глупые „нервотрепательные“ книжки и очень дорожила с трудом добытым „Дракулой“. С большим колебанием я дала его после переворота 1917 г. одному из своих знакомых – Надеждину. Он обещал ее вернуть „в конце недели“, а в начале ее был вместе с женой убит какими-то хулиганами выстрелом в рот на улице».

Теперь вернемся к «фантастическому» творению Б. Олшеври.

Совершенно очевидно, что загадочные инициалы Е. А. Х. в посвящении к роману указывают на имя самой младшей из дочерей автора, Екатерины (Кэт) Альбертовны Хомзе (1897–1955), учившейся в 1912–1913 годах в VII классе московской частной женской гимназии Любви Федоровны Ржевской, а впоследствии выбравшей профессию художника-иллюстратора. Сестра же ее, Маргарита Альбертовна Хомзе-Молчанова (во втором браке Беклешова), жившая во время написания романа под одним кровом с матерью и Кэт, возможно, послужила прообразом прекрасной черноглазой итальянки Риты, волею судьбы оказавшейся в зловещем замке Дракулы.

В правом верхнем углу титульной страницы экземпляра «Вампиров» 1912 года, принадлежащего Андрею Михайловичу Еремееву, частично сохранилась надпись чернилами:

«Больше»
ври. Мама»

³¹ В сентябре 1919 г. А. А. Стругач и Е. А. Хомзе были арестованы по ложному обвинению в «содержании конспиративной квартиры для агентов Южного фронта и связи с агентами Деникина». Екатерину освободили в декабре 1920 г., а Алевтину – весной 1922 г.

³² Письмо хранится в семейном архиве дочери О. В. Собенникова Инны Оровны Собенниковой.

³³ Вадим Алексеевич Собенников, 1870 г. р., муж тетки А. А. Стругач со стороны матери, учился в США и в 1898 г. вернулся на родину бакалавром наук.

А на странице с посвящением Е. А. Х. можно различить полустертую дату: «19 марта 1912 г.». Вероятно, в этот день Екатерина Николаевна вручила книгу той, кому ее посвятила, ибо реликвия эта прежде хранилась у Кэт Хомзе, перейдя после ее смерти к сестре Лине.

По-видимому, первоначально «страшная сказка про вампиров» складывалась из отдельных историй: автор бесконечно переносит читателя из одного временного измерения в другое, повествование ведется от лица нескольких персонажей, оставлены заголовки ряда сцен («Охотничий дом», «Осмотр замка» и так далее). Результат литературных занятий настолько впечатлил Екатерину Николаевну и ее окружение, что имеющиеся материалы объединили и переработали в произведение для печати – правда, не объяснив при этом, в чем состояла таинственная сила рокового ожерелья с застежкой в виде головы змеи, каково значение загадочных татуировок лотоса у капитана Райта и Джемса и что за экзотические женщины неоднократно спасали Гарри от клыков карпатских вампиров (уж не ацтекские ли они кровопийцы?). Однако некоторая недосказанность (к чести автора, будоражащая фантазию читателя) меркнет перед общей широтой и грандиозностью образов, поэтичностью повествования, драматизмом нагнетаемых событий, атмосферой нарастающего отчаяния, ужаса, безысходности и интригующей развязкой. Финал романа оставлен открытым – вряд ли на другом континенте жизнь неразлучных друзей обойдется без приключений, ведь Гарри (якобы потомок Монтесумы, а значит, наследственный жрец древних богов, коим подчинены вампиры) нашел ожерелье и везет его обратно в Америку, как того и хотели призрачные девы с медно-красными обнаженными телами, взывавшие: «Найди талисман, верни нам жизнь, будь нашим повелителем».

Уже в первой половине XIX века начали появляться литературные произведения, в которых нашли свое отражение страхи и опасения, связанные с египетскими мумиями и смертоносными древними силами, таящимися в полузасыпанных песком ритуальных сооружениях страны пирамид. Впоследствии исследователи причислили подобные сочинения к жанру «египетская готика», пережившему настоящий расцвет в конце позапрошлого столетия. Свой посильный вклад в становление «египетской готики» внесли такие знаменитые писатели, как Теофиль Готье (1811–1872), Эдгар По (1809–1849), Луиза Олкотт (1832–1888), Генри Райдер Хаггард (1856–1925) и Артур Конан Дойл (1859–1930).

В ноябре 1903 года в Лондоне был опубликован роман Брэма Стокера «Сокровище Семи Звезд», повествующий о тайных магических ритуалах Древнего Египта и секретах бальзамирования, о расхищении гробниц и странствиях души после смерти. В этом произведении соединились элементы фантастического, «готического» и оккультного. Подобно ирландскому писателю-неомифологу и мистiku, чей кровожадный граф вдохновил Екатерину Николаевну Хомзе на создание «Вампиров», пробовала она свои силы и в жанре «египетская готика», результатом чего явился рассказ о проклятии египетской жрицы.

Беловой автограф фрагмента этого произведения (вернее, второй его половины), самим автором никак не озаглавленного, но подписанного «Б. Олшеври», находится на страницах рабочей тетради писательницы, хранящейся в семейном архиве Алексея Владимировича Хомзе. Рассказу мы дали условное название «Жрица богини Гатор».

Автограф этот наглядно подтверждает слова Антона Павловича Чехова (1860–1904), сказанные однажды начинающему беллетристу: «Обыкновенно начинающие стараются, как говорят, „вводить в рассказ“ и половину напишут лишнего. А надо писать, чтобы читатель без пояснений автора, из хода рассказа, из разговоров действующих лиц, из их поступков понял, в чем дело. Попробуйте оторвать первую половину вашего рассказа; вам придется только немного изменить начало второй, и рассказ будет совершенно понятен. И вообще, не надо ничего лишнего! Все, что не имеет прямого отношения к рассказу, все надо беспощадно выбрасывать».

Если вы говорите в первой главе, что на стене висит ружье, во второй или третьей главе оно должно непременно выстрелить. А если не будет стрелять, не должно и висеть»³⁴.

Действительно, предысторию событий, описанных в сохранившейся второй части рассказа Б. Олшеври, понять несложно: молодой служащий Павел Иванович Меншуткин, неплохой рисовальщик, человек с лицом, на котором невзгоды оставили неизгладимый отпечаток, встречается в Петербурге (предположительно, в Летнем саду) близкого друга – доктора Кази – и излагает ему историю своих злоключений. Совсем недавно Меншуткин женился на очаровательной девушке по имени Вера. Египтолог «дядя Фра», по-видимому состоявший в родстве с кем-то из новобрачных (скорее всего, с Верой), подарил невесте на свадьбу египетскую золотую корону урей – несомненно, древний артефакт. После чего, надо полагать, стали происходить загадочные события, а настроение Веры резко переменилось: она сделалась задумчивой и меланхоличной, стала тосковать по Египту. Вероятно, Павел Иванович, обеспокоенный состоянием жены, обратился к доктору Кази, который посоветовал «ни о чем не спрашивать» Веру и посетить страну пирамид. Во время отпуска Меншуткина супруги отправились в Египет, где присоединились к экспедиции «дяди Фра», безуспешно пытавшегося определить местонахождение старинного египетского храма, посвященного богине Гатор (Хатхор). Внимательная и догадливая Вера помогла старому ученому отыскать это сооружение, верно истолковав текст имевшегося в их распоряжении древнего папируса.

К сожалению, никаких документально подтвержденных сведений об истории создания этого вполне самодостаточного фрагмента не сохранилось. Однако характер оформления рукописи и карандашные пометы на последней ее странице дают основания полагать, что Екатерина Николаевна Хомзе писала произведение для участия в литературном конкурсе, объявленном журналом «Мир Приключений» в ноябре 1911 года³⁵. Задача конкурсантов состояла в том, чтобы сочинить рассказ к четырем предложенным иллюстрациям. Редакция не закрепляла порядка расположения рисунков в тексте и разрешала участникам конкурса переставлять их по своему усмотрению. Объем произведения не должен был превышать 25 000 букв. В этой же книжке журнала давался совет, как учесть число букв в рукописи, листы которой следовало четко и аккуратно заполнять только с одной стороны. Срок приема рукописей истекал 1 марта 1912 года³⁶.

Не лишенная азарта Екатерина Николаевна, ранее участвовавшая в шахматных турнирах по переписке, не преминула воспользоваться возможностью помериться своими литературными способностями с другими малоизвестными сочинителями. Рассказ был написан, все условия конкурса соблюдены... кроме одного. Когда на последней странице белой рукописи автор принялась при помощи карандаша высчитывать количество букв, выяснилось, что произведение превысило объявленную редакцией норму более чем в два раза: вместо 25 000 букв их количество составило 58 960.

Вероятно, четыре предложенные журналом иллюстрации соответствовали тексту первых четырех (из девяти) глав рассказа, и Екатерине Николаевне пришлось переработать первую половину своего сочинения, занимавшую отдельную тетрадь, в новое произведение с более или менее убедительной развязкой. Его она и отправила на конкурс.

Согласно заявлению редакции, из 156 рассказов, подлежавших рассмотрению конкурсной комиссией, ни один «не мог быть признан безусловно заслуживающим первой премии», поэтому решено было назначить две вторые премии (по 75 рублей каждая) авторам двух лучших рассказов. Премировали Ф. Зарина из Санкт-Петербурга и Е. Лохтина из Киева, а Б.

³⁴ Шуклин С. Н. Из воспоминаний об А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. [М.]: ГИХЛ, 1960. С. 461–462.

³⁵ До Октябрьской революции 1917 г. журнал выходил строго ежемесячно – по 12 номеров в год. При этом начало подписного года приходилось не на январь, а на ноябрь года предыдущего.

³⁶ Наш литературный конкурс // Мир Приключений. 1912. Книга 1-я. Стб. 219–224.

Олшеври не был упомянут даже в числе авторов рассказов, отмеченных как «выдающиеся по своим литературным достоинствам или по оригинальности сюжета»³⁷.

По всей видимости, результаты конкурса расстроили Екатерину Николаевну, она посчитала свое сочинение неудачным, утратила к нему интерес и не стала обращаться в редакцию для возвращения рукописи, которая после 1 августа 1912 года была уничтожена в числе прочих невытребованных рукописей. Вторую же часть рассказа писательница оставила в своем литературном архиве. Так и появилась тетрадь с «безымянным» рассказом, начинающимся не с первой, а с тридцать пятой страницы. Однако тема мумий и древнеегипетского культа мертвых продолжала занимать Екатерину Николаевну, и она вновь обратилась к ней в своих естественно-научных сказках «Пчелы» (1914) и «История золотого зернышка» (издана посмертно в 1924 году).

А рассказ «Жрица богини Гатор», ни в чем не уступающий знаменитому фантастическому роману Б. Олшеври «Вампиры», *впервые* появляется в печати, и читатели могут по достоинству оценить его.

...

Сочинения подобного рода отнюдь не редки в творчестве Екатерины Николаевны Хомзе. Свои фантастические описания, снабженные неизменным «Посвящается Е. А. Х.» и подписанные как «Б. Олшеври, автор „Вампиров“», она предлагала для публикации в известные периодические издания той поры. Так, в архиве редакции иллюстрированного художественно-литературного ежемесячника «Аргус» сохранились беловые рукописи четырех «фантастических рассказов» 1914–1915 годов: «Наследство Варвары Сидоровны. Что было и что казалось», «Где правда? Из вопросов о вампиризме», «„Дело Ивана“, или Было ли это?», «Две или одна?»³⁸.

Куда только не устремляла сочинительницу ее безудержная фантазия! Вместе с Б. Олшеври читатель отправляется в мрачную карпатскую обитель, населенную монахами-вампирами; в заброшенный барский дом, в котором ненастной ночью прародительница главного героя, сошедшая с парадного портрета, сулит ему драгоценный перстень в награду за спасение ее души и избавление от вечных мук; в монастырское подземелье, где девушку, заслужившую в родной деревне дурную репутацию колдуньи, подвергают пытке, дабы заставить ее сознаться в убийстве сестры-близнеца. Только существовала ли эта сестра? На полях сражений Первой мировой войны разворачиваются события фантастического рассказа «Дело Ивана», в котором автор предоставляет читателю самому решить, чем же в действительности был описанный случай – вмешательством высших сил или следствием безумия немецкого офицера? В рассказах Б. Олшеври сосуществуют быль и небыль, реальное и чудесное, обыденное и сверхъестественное, разделенные зыбкой, постоянно нарушаемой границей.

Не все эти произведения равнозначны по своему идейному содержанию и художественному своеобразие, однако, судя по тому, что редактор журнала «Аргус» Василий Александрович Регинин (настоящая фамилия Раппопорт, 1883–1952) оставил рукописи среди архивных материалов, можно думать, что авторитетный литератор придавал им некоторую цену.

К сожалению, рассказы так и не стали достоянием читательской аудитории при жизни их автора. Теперь же, спустя 110 лет забвения, они обретают «второе рождение», будучи *впервые* опубликованы на страницах нашей книги.

...

Естественно-научные сказки Екатерина Николаевна Хомзе сочиняла в основном для малолетнего внука Вальтика (Вальтера Альбертовича Хомзе), будущего инженера-гидролога и поэта, оставленного ей на попечение дочерью Лариссой, сородницей Гапона³⁹, 19 сентября /

³⁷ Результаты литературного конкурса // Мир Приключений. 1912. Книга 7-я. Стб. 190.

³⁸ ИРЛИ РАН, ф. 163, оп. 3, ед. хр. 98.

³⁹ Георгий Аполлонович Гапон (1870–1906) – православный священник, инициатор первой русской революции.

2 октября 1910 года покончившей жизнь самоубийством. До 1916 года мальчик, по сути, воспитывался бабушкой и тремя сестрами покойной Лариссы. Всех четверых он называл своими «мамами», хотя настоящей матерью для него стала Маргарита Альбертовна Беклешова, усыновившая Вальтера.

В семейном архиве Алексея Владимировича Хомзе сохранились подписанные псевдонимом Ек. Т. Рина тетради с рукописями «Сказок для Вальтика»: «Пчелы» (поздняя редакция), «Дятел», «Воробьи», «Лягушки», «Рыба Лосось», «Смерть мухам!», «Мыши и крысы» и четырехстраничный отрывок произведения аналогичного жанра без начала и конца, условно названный автором статьи «Извержение вулкана».

Научные сведения для создания своих сказок Екатерина Николаевна черпала в трудах Альфреда Брэма (1829–1884), Жюль Мишле (1798–1874), Лоренца Лангстрота (1810–1895), Лиланда Говарда (1857–1950), в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (издавался с 1890 по 1907 год). По всей видимости, Екатерина Николаевна Хомзе готовила эти произведения к публикации. Однако нам известны только три ее сказки, напечатанные под псевдонимом Ек. Т. Рина: «Пчелы. Рассказ для детей» (1914)⁴⁰, «Чижи и кукушка» (1916)⁴¹ и «История золотого зернышка» (1924)⁴². Сказка «Рыба Лосось» в сокращенном виде без указания автора появилась на страницах детского журнала «Мирок» в 1916 году⁴³.

Пресса того времени не оставила без внимания научно-просветительскую деятельность Екатерины Николаевны Хомзе. Так, рецензент «Пермских губернских ведомостей» восторженно сообщал читателям, что «книжка под заглавием „Пчелы“ заслуживает самого благожелательного к ней отношения. Написана она для всех ясным и понятным языком. В виде живого увлекательного рассказа в сжатом виде представлена вся жизнь пчелы со дня ее рождения, все привычки и анатомическое строение пчелы, матки, трутней.

Довольно подробно описывается уход за пчелами, устройство улья, говорится и о добычании меда и воска. Даются указания относительно выбора места для пасеки, описываются лучшие сорта медоносных цветов, трав и деревьев.

Следя с большим интересом за фигурирующими в рассказе лицами (пчелинец Алексеич, девочка, сосед-пасечник, с одной стороны, и пчелы Абель, Бинна и Би – с другой), читатель легко, как бы мимоходом, незаметно для себя глубоко впитывает в память необходимые практические сведения по пчеловодству. „Пчелы“ не только интересная и занимательная книжка для детей школьного возраста, но и взрослый прочтет ее с удовольствием и пользой.

Все эти умело и популярно изложенные в рассказе сведения по пчеловодству принесут особенно большую пользу в деревнях, где пчеловодство у нас начинает с каждым годом развиваться, но, так сказать, само собой, в большинстве случаев без всяких знаний и указания, книжка же эта не только даст самые необходимые сведения, но и настолько заинтересует, благодаря своему особенно умелому изложению, что прочитавший ее возьмется и за другую пчеловодную книгу...»⁴⁴.

Вероятно, опубликованный вариант «Пчел» следует считать самой ранней из дошедших до нас сказок Екатерины Николаевны. На это указывает описание фигурирующей в произведении девочки Кути: «Поедет наш мед с широкой Волги-матушки в город. А там живет твоя знакомая девочка, Кутя. У нее такие же светлые волосы, как и у тебя, ровно белый лен, только коса у нее толстая и банты большие. А, знаю я, медок лизать Кутя любит не меньше тебя». Кутей или Кэт в семье Хомзе называли младшую дочь Екатерину, следовательно, на момент напи-

⁴⁰ Ек. Т. Рина. Пчелы. Рассказ для детей. Пг.: Издание А. Ф. Девриена, 1914.

⁴¹ Ек. Т. Рина. Чижи и кукушка: Очерк // Мирок. 1916. Книжка IX. С. 283–288.

⁴² Ек. Т. Рина. История золотого зернышка. М.: Издание Г. Ф. Мириманова, 1924.

⁴³ [Без автора]. Рыба Лосось // Мирок. 1916. Книжка V. С. 149–160.

⁴⁴ Ал. Б-ин. Ек. Т. Рина. «Пчелы» // Пермские губернские ведомости. 1915. № 207. 4 (17) августа. С. 4.

сания сказки она была еще подростком и носила банты. Вышесказанное позволяет предположить, что «Пчелы» были созданы раньше обессмертившего Б. Олшеври романа «Вампиры», посвященного «повзрослевшей» Куте (Е. А. Х.).

В сказке «Лягушки» мы вновь встречаем неньюфар и... кровопийцу. Правда, здесь это не вампир, встающий из гроба, а обыкновенный комар, который сетует, что у кувшинки нет ничего хорошего, даже душистого запаха, в отличие от деревенских ребяташек с алой, теплой кровью.

Екатерина Альбертовна Хомзе, сотрудничавшая с издателем Гавриилом Фомичом Миримановым (1870 – после 1930) как художник-иллюстратор (в частности, ею были созданы две забавные детские книжки о приключениях «мишуков-шалунов»)⁴⁵, в 1924 году под уже известным нам псевдонимом Ек. Т. Рина посмертно опубликовала сказку матери «История золотого зернышка». Произведение было отредактировано согласно реалиям НЭПа, когда широкое развитие получили различные виды кооперации и появилось понятие «продналог». К сожалению, подобное бесцеремонное обхождение с текстами «старых» авторов являлось характерной чертой фирмы Г. Ф. Мириманова, старавшейся шагать в ногу со временем.

...

В рукописном архиве Екатерины Николаевны Хомзе сохранились и образцы автобиографической прозы, объединенные общим заголовком «Давно прошедшее время». На страницах этих набросков, созданных около 1915 года, автор выступает в роли бытописателя, повествуя о традициях празднования Николина дня⁴⁶ в семье Молчановых; в духе «натуральной школы», но с большой долей юмора в изображении не массового, а исключительного, курьезного в жизни, рассказывает о чудаковатом троицкосавском старике «дедушке Макарьине», страдавшем болезненной страстью смешивать разные крепкие напитки и проверявшем «безвредность» полученных смесей на учителе местного уездного училища, «наигорчайшем пьянице»; вспоминает мельчайшие подробности далекого, многотрудного и опасного в те времена путешествия из Петербурга в Кяхту и обратно, пришедшегося на зиму и весну 1895 года. Маргарита Альбертовна Беклешова, сопровождавшая мать в памятной поездке, много лет спустя написала следующие строки: «Я была еще достаточно мала, чтобы сознавать различные опасности, но теперь считаю, что мама была исключительно храбрый человек, так как шла иногда на такой риск, на который не решился бы и мужчина».

По словам Алексея Владимировича Хомзе, эти произведения передают живые исторические картины, повседневную ткань той жизни и раскрывают стойкий характер писательницы, ее поучительное самообладание и стремление думать, а не действовать по эмоциональному порыву.

...

Помимо прозаических сочинений до наших дней дошли также гранки созданной Екатериной Николаевной злободневной песенки о благодушном китайском мандарине (напоминающем гоголевского Манилова), которую царская цензура запретила печатать «как заключающую в себе намек на злоупотребления административной власти в России»⁴⁷.

Считаем уместным познакомить читателей с полным текстом песенки, тем более что публикуется она *впервые*.

⁴⁵ Хомзе Е. Приключения мишуков – четырех шалунов. М.: Издание Г. Ф. Мириманова, 1924; Хомзе Е. Мишуки – физкультурники. М.: Издание Г. Ф. Мириманова, 1926.

⁴⁶ Николин день – день памяти святого Николая Чудотворца, отмечаемый православной церковью 6/19 декабря. В семье Молчановых именинником в этот день был отец Е. Н. Хомзе – Николай Лукич.

⁴⁷ ЦГАМ, ф. 31, оп. 4, ед. хр. 1068.

ЧУН-ЧИН

Жил-был в Китае мандарин
По имени Чун-Чин.
Он назначал секретарей
Над областью своей,
А сам ел пряники с вином
И спал на ложе золотом.
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

Он области своей не знал,
Да знать и не желал;
Не выходил он никогда
Из своего дворца;
Весь день, раскинувшись, лежал.
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

К народу он не выходил:
Он шуму не любил;
Но знал обязанность свою
И два раза в году
К царю с подарками ездил
И пятки царские лобзал.
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

Так жил невинный мандарин,
Ловя за чином чин,
И мира сладкого его
Не нарушал никто.
Сын Неба говорил: «Чун-Чин —
Великолепный мандарин!»
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

Но не дремали уж зато
Секретари его.
Народ вздыхал, народ стонал
Правитель не слышал.
Любя покой и тишину,
Он не мешался в их возню.
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

Народ терпенье потерял,

Народ забушевал.
Валит народная волна
К палатам Чун-Чина.
Царь о восстанье узнает,
Царь Чун-Чина на суд зовет.
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

«О, милосердный властелин!
Заговорил Чун-Чин. —
Неблагодарная толпа
Клевещет на меня.
Я никого не обижал,
Я никого не притеснял».
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

«Я мог их грабить и казнить,
Мог резать и душить,
А я по доброте души
Не поднял и руки:
Все поручив секретарям,
Я тихо спал по целым дням».
Пой, лира, пой ему хвалу,
Пой славу Чун-Чину!

Остается поведать о последних годах Екатерины Николаевны Хомзе. Обратимся для этого к воспоминаниям Алевтины Альбертовны Стругач:

«Впрочем, я забыла еще про лето 1913 г., которого забыть не могу⁴⁸. В это лето Маргарита и Кэт поехали в Париж. Я потом поняла, что мама нарочно отправила их подальше, чтобы развязать себе руки. Я осталась с ней одна в Москве.

Уже много лет мама неподвижно сидела в кресле и очень страдала от обезображивающего артрита. Почти все суставы потеряли свою подвижность. Ноги не действовали совсем, плечевые суставы тоже. Держалась она только морфием. Иногда я целыми днями сидела около нее и раскладывала ей пасьянсы. Уходить из дому я избегала, так как видела, что мама что-то нервничает. Заметила также, что вместо сказок она пишет что-то другое. И хотя не знала что, все же почему-то беспокоилась. Однажды мама особенно сильно уговаривала меня пойти пройтись – нельзя же целое лето просидеть без воздуха. Очень мне не хотелось уходить, но, чтобы мама не нервничала из-за меня, я согласилась на полчаса сходить к моей троюродной сестре и приятельнице Нине Швецово [Нина Васильевна Собенникова-Швецова, 1889 г. р., *примеч. Д. К.*]. Мы жили в Сущевском тупике⁴⁹, а она – на Малой Дмитриевке, у Страстного монастыря. Ходьбы было минут 15–20. Не успела я войти к Нине, как позвонил телефон. Эмилия Яковлевна зовет меня срочно домой. Я сразу поняла, что что-то с мамой.

Оказалось, мама приняла морфий. Несмотря на страшные боли, она в течение нескольких дней копила приносимые ей порошки и приняла их сразу, как только я ушла. Началась

⁴⁸ В действительности описанные ниже события произошли летом 1914 г.

⁴⁹ Точный дореволюционный адрес: Москва, Сущевский тупик, д. 13, кв. 20. Доходный дом Н. Ф. Ржевского. Снесен в 2015 г.

рвота. Услыхала Эмилия Яковлевна и вызвала меня. У меня было странное состояние: спасать ли маму или дать ей умереть? Она так давно и так страшно страдает, надежды не только на спасение, но и даже просто на облегчение никакой нет. Напротив, чем дальше, тем будет хуже. Решиться на самоубийство нелегко, еще труднее привести это решение в исполнение. Имею ли я право насиловать мамину волю и заставлять ее и дальше страдать? Может быть, если бы мы были с ней одни на свете, я оставила бы все как есть. Ну а тут решила посоветоваться с кем-либо. Первый, кто пришел на ум, был дядя Андрюша⁵⁰. Позвонила ему. Он сказал, что я сошла с ума и что он немедленно приедет с врачом. (...) Через несколько минут они приехали. Началась очень тяжелая сцена. Мама не хотела никакой помощи, плакала и говорила, что мы пользуемся ее беспомощностью. И я знала, что она права: защищаться она не могла. Ее насильно раздели и делали ей впрыскивания в спину. Много дней после этого она плакала и горько упрекала меня, говоря, что именно на меня и на мою выдержку она и надеялась, что нарочно отправила сестер в Париж, написала завещание и отослала меня к Нине. Мне было жаль ее, и я дала слово, страшное слово. Я обещала ей, что если она когда-нибудь еще раз захочет покончить с собой, я не только не буду ей мешать, но сама дам более эффективный яд и что сделаю это даже сама, тайно от нее, если она не будет больше в состоянии переносить свои страдания. Мама мне поверила и успокоилась. Через два года она это мое обещание еще помнила, но отнеслась к нему совсем иначе. Мы были с Маргаритой в Евпатории, когда получили телеграмму от Кэт, что маме плохо. Маргарита выехала тотчас же, а я должна была задержаться на 1–2 дня, чтобы найти заместителя врача в Мойнакскую грязелечебницу, где я работала. Получаю телеграмму от Маргариты, чтобы я не торопилась с выездом, что все благополучно. Дней через десять новая телеграмма – о смерти мамы. Спрашиваю у Маргариты объяснений ее поступка. Оказывается, мама страшно мучилась, у нее началась гангрена мягких тканей, так что обнажились кости таза. Но еще больше она мучалась страхом, что ее отравят. И, помня мое обещание, боялась меня. Да и не только меня. Каждое лекарство, каждую ложку еды она заставляла при себе пробовать, прежде чем проглотить. В момент смерти проснулся сильнейший инстинкт жизни и боязнь смерти. (...) Конечно, Маргарита была права, что меня не вызвала. После смерти мамы мы исполнили ее желание – вызвали врача, и она проколола маме сердце длинной иглой. Мама страшно боялась летаргии».

Фобия Екатерины Николаевны нашла отражение и в романе «Вампиры», где летаргический сон явился предвестником зловещих событий – превращения Риты в кровожадного упыря.

На первой странице своих «Воспоминаний» Алевтина Альбертовна Стругач предупреждает читателя: «Я не обещаю точных хронологических дат – не помню их». Это объясняет несоответствие указанной ею даты смерти матери (1915 год) фактической.

Согласно записи в метрической книге⁵¹, Екатерина Николаевна Хомзе, вдова потомственного почетного гражданина, скончалась 12/25 августа 1916 года от «воспаления суставов». Ее похоронили в Москве на Лазаревском кладбище. В 1916 году историк Москвы Алексей Тимофеевич Саладин (1876–1918) писал, что Лазаревское кладбище «далеко не ласкает взгляда... Спрятавшись от всякого шума за прочными стенами, кладбище покрылось буйной растительностью. Трава – выше пояса – скрывает даже высокие гробницы, и к некоторым могилам можно подойти только с трудом, обжигаясь о крапиву»⁵²

⁵⁰ Андрей Николаевич Молчанов, 1877 г. р., младший, любимый брат Екатерины Николаевны.

⁵¹ ЦГАМ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 210, лл. 229 об., 230.

⁵² Саладин А. Т. Очерки истории московских кладбищ. М.: Книжный сад, 1996. С. 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.